

К ВЗАИМОВЛИЯНИЮ РУССКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ

Русские, как известно, встретились с бурятами в конце 20-х годов XVII века, после чего в течение трех десятков лет было фактически завершено присоединение разных групп бурят Восточной Сибири к Российскому государству. Следовательно, эти события произошли более 320—350 лет тому назад.

Но языковое контактирование русских и бурят уместно было бы датировать не столько этим временем, сколько временем более массового заселения территории Добайкаля и Забайкаля русскими.

Дело в том, что в те годы казаки сосредоточивались главным образом в острогах. Когда же сюда в массовом порядке начали прибывать пашеинные люди, уже не стало хватать места возле острогов, и они вынуждены были расселяться шире. Несколько позже развернули свою деятельность православные миссионеры, в результате чего постепенно появлялись крещеные буряты, сыгравшие весьма значительную роль в языковом общении между русскими и бурятами.

Следовательно, непосредственное языковое знакомство между русским и бурятским населением Восточной Сибири произошло в пределах от двух с половиной до трех сотен лет тому назад. С тех пор языковое взаимовлияние русских и бурят прошло, по крайней мере, два этапа.

Первый этап русско-бурятского контактирования условно назовем дореволюционным. Он характерен тем, что взаимовлияние русского и бурятского языков шло медленными темпами, обусловленными нерегулярностью связи носителей языков, зна-

чительной замкнутостью жизни русских в своих селах и буряты в своих улусах. Этому вполне соответствовало то, что из русского языка в разговорный бурятский, а также, наоборот, из бурятского языка в разговорный русский вошли почти одни словарные заимствования.

В русских лексических заимствованиях в разговорном бурятском языке преобладают обиходно-бытовые и производственно-хозяйственные слова, обозначающие:

а) домашнюю обстановку и утварь: *пезшэн* (печь), *харбаад* (кровать), *патишра* (из фатера) (квартира), *бииниг* (веник), *бидруу* (ведро), *горшоог* (горшок), *бүтылхэ* (бутылка);

б) продукты питания: *забарууха* (заваруха), *шааньди* (шаньги), *хилээмэн* (хлеб), *салмаад* (саламат);

в) одежду и обувь: *сарпаан* (сарафан), *дожбииг* (дождевик), *жэбхүүн* (зипун), *сабхи* (сапоги), *ишиг* (ичиги);

г) упряжь и гужевого транспорт: *боожо* (вожжи), *хомуу* (хомут), *шожоолхо* (седелка), *однохоол* (одноколка), *оглеоби* (оглобли), *хольсоо* (колесо);

д) надворные постройки и столярное дело: *амбаар* (амбар), *зэмьэ* (зимовье), *онгоошхо* (окошко), *араама* (рама), *хеос* (тес), *бураабша* (буравчик);

е) предметы и явления из области полеводства и огородничества: *орооһон* (рожь), *шэниисэ* (пшеница), *борной* (борона), *обёос* (овес), *огороод* (огород), *хартаабха* (из картобка) (картофель), *хапууста* (капуста);

ж) торговые изделия и финансы: *сарпинха* (сарпинка), *бумажай* (бумазья), *пүүд* (пуд), *һүүнтэ* (фунт), *солхооб* (целковый), *шарбуунса* (червонец).

Характерно, что наиболее многочисленные заимствования, принятые из бурятского языка в разговорный русский и насчитывающие десятки словарных единиц, также относятся к области хозяйства и быта. Таковы, например:

а) термины животноводства: *бурун* (однолетний теленок), *кашерик* (двухгодовалый бычок), *куцан* (баран), *иргэн* (кастрированный баран), *иман* (козел), *даган* (жеребенок двух лет) и т. д.;

б) предметы и понятия бытовых и этнографических особенностей: *дыгёл* (меховая шуба), *дуктуу* (меховые чулки), *джириш* (подпруга, обшитая материей), *сундалой* (вдвоем верхом), *адалай* (словно, будто) и т. д.

Достаточно беглого взгляда на перечисленные факты взаимных языковых заимствований, чтобы понять, что русские и буряты

вступали в контакт на здоровой почве и обогащали друг друга трудовым и жизненным опытом. Если буряты усвоили у русских предметы, понятия и их названия, связанные с полеводством, оседлой обстановкой и товарно-денежными отношениями, то русские усвоили у бурят предметы, понятия и их названия, связанные с животноводством и местными сибирскими условиями жизни.

Гораздо в меньшем количестве встречаются и другие заимствования в обоих языках.

Так, в разговорном бурятском языке дореволюционного времени отмечено известное количество заимствований, отражающих влияние русских в области духовной культуры: *тэттраад* (тетрадь), *харандаас* (карандаш), *пинаал* (пенал), *гимнаази* (гимназия), *үстүдеэнтэ* (студент), *гажээд* (газета), *үшэниг* уст. в знач. «медицинский ученик-фельдшер», *доогтор* в знач. «врач-доктор», *больниисо* (больница).

В разговорном бурятском языке дореволюционного периода употреблялись некоторые ономастические понятия, воспринятые из русского языка: а) названия месяцев и дней святых: *январи* (январь), *пивраали* (февраль), *маарта* (март) и т. д.; *Михуула* (Николаев день), *Егдохи* (Евдокиев день), *Ильеын* (Ильин день), *Сэмүүн* (Семенов день), *Похрооб* (Покров день); б) антропонимы: *Армаан* (Роман), *Иваан* (Иван), *Даниила* (Даниил), *Захаар* (Захар), *Онгоон* (Антон), *Уханааша* (Афанасий), *Башали* или *Башуу* (Василий) и т. д.; в) топонимические названия: *Расии* (Россия), *Питэргараад* (Петроград), *Питрообско завууд* (Петровский завод), *Заграй* (Заиграево), *Алигсаандарска сэнтраал* (Александровский централ) и т. д.

В свою очередь из бурятского языка русским разговорным языком дореволюционного времени были заимствованы: а) широко известные местные топонимы и некоторые номенклатурные названия к ним: *Дулан* (теплое место), *Куйтун* (холодное место), *Загустай* (Рыбинск), *харагун* (незамерзающая протока), *дабан* (перевал); б) бурятские собственные имена в русском фамильно-суффиксальном оформлении: *Бадмашка*, *Батоха*, *Цыдыпка*.

Иначе выглядит тематика словарных заимствований в сфере письменных языков бурят и русских.

В монгольском письменном языке, которым пользовались буряты в качестве литературного, наибольшее место занимали русские заимствования официально-деловой лексики и незначительное место — заимствования из области бытовой и хозяйственной лексики.

Так, в старописьменном языке широко употреблялись такие русские слова и выражения, как *цаари* (царь), *намиистниг* (наместник), *губирнаатур* (губернатор), *титилирнуи собиитниг* (титularный советник), *миирскэ шидзэбэ* (мирская изба), *ханцалиири* (канцелярия), *приистэб* (пристав), *стипнуи дүүмэ* (степная дума), *дзасидаатил* (заседатель), *кинаас* (князь). Многие из приведенных канцеляризмов давно стали архаизмами.

Что касается делового русского языка губернских и уездных канцелярий Добайкаля и Забайкаля дореволюционного времени, то в нем, в отличие от разговорного языка местных русских, наиболее употребительными являлись: а) заимствованные из бурятского языка топонимические названия: Баян-Гол (досл. Богатая долина), Могойтуй (досл. Змеиное), Кяхта (досл. Пырейное), Жаргалантуй (досл. Счастливое), Мухор-Шибирь (досл. Прерывающаяся чаща), Уныгытэй (досл. Лисицыно); б) бурятские фамилии с русским суффиксом: Аюшеев, Бадмаев, Гомбоев, Дымбилов, Ломбоцыренов, Очиров, Сахаров, Цыдыпов, Ямпиров и другие.

Такова в общих чертах степень дореволюционного взаимовлияния русского и бурятского языков.

Второй этап во взаимовлиянии данных языков наступил в послереволюционное время. Он характеризуется тем, что носители языков, благодаря интернациональному курсу развития советского общества, стали общаться чаще. Они нередко встречаются на различных собраниях, вместе учатся и даже совместно проживают и трудятся в ряде населенных пунктов. В результате более интенсивным стало языковое взаимовлияние.

Особенно усилилось воздействие русского языка на разговорный бурятский, в котором резко увеличилось количество заимствованных слов, расширилась их тематика, появились некоторые заимствования грамматических элементов.

Помимо слов, обозначающих бытовые, хозяйственные предметы, в бурятский язык из русского стала проникать культурная и отвлеченная лексика. Достаточно сказать, что наряду с такими заимствованиями, как *туфли, костюм, ковер, магнитофон, пластинка, трактор, комбайн, мотоцикл, силос, кукуруза, колхоз, бригада, совхоз, отделени, фермэ, гурта*, вошли в употребление слова *концерт, театр, радио, телевизор, курсы, техникум, училище, институт, университет, лекци, хими, физикэ, математика, атом* и т. д.

Из области ономастики в разговорном языке бурят участилось заимствование русских личных имен. Более того, буряты

стали носить фамилии и отчества с русскими суффиксами. Очень часто теперь можно встретить такие имена, отчества и фамилии, как Байр Бадмаевич Шагдыров, Алексей Ильич Уланов, Буянто Григорьевич Аюшеев, Павел Петрович Федоров и другие.

Однако в послереволюционное время заимствование бурятских слов старожильческим русским населением сельских местностей постепенно убывает. Это, вероятно, объясняется тем, что весьма заметно повысилось знание бурятами русского языка. Кроме того, у бурят развилось массовое двуязычие, особенно среди интеллигенции и молодежи.

Правда, в ином свете выглядит литературное словоупотребление.

Литературный бурятский язык отличается от разговорного бурятского тем, что в нем нормируется употребление слов, заимствованных из русского языка, и не допускается замена имеющихся в бурятском языке слов русизмами.

Вместе с тем в современном литературном языке бурят широко заимствована терминологическая лексика, не поддающаяся удовлетворительному переводу: *материализм, идеализм, социализм, коммунизм, диктатура, биологи, зоологи, кибернетикэ, куб, молекулэ, этикэ, эстетикэ* и другие.

Благотворное влияние русского языка заключается еще и в том, что в литературном языке бурят по русскому образцу возникло многочисленное калькирование, обогатившее бурятскую лексику: весенний сев — *хабарай тарилга*, хлебоуборка — *таряа хуряалга*, мясозаготовка — *мяха бэлэдхэл*, зимовка скота — *малай үбэлжэлгэ*, прием приплода — *түл абалга*.

За советский период в местной печати и вообще в местном официальном словоупотреблении на русском языке значительно усилились и все более возрастают ономастические заимствования из бурятского языка. Эти заимствования состоят из нескольких групп, большая часть которых является совершенно новой, не имевшей место ранее.

Русский язык продолжает заимствовать, причем более в массовом масштабе, чем раньше: а) бурятские названия географических объектов, в особенности новые названия населенных пунктов, колхозов, совхозов и т. д.: Улан-Удэ (досл. Красная Уда), Улан-Одон (Красная звезда), Шинэ-Ажил (новое хозяйство), Соёл (культура), Хубисхал (революция), Арбижил (накопление), Зурганай-Зам (путь шестерых); б) бурятские личные имена, приобретающие русское звучание, родовое окончание или фамильный суффикс: Чимита, Туяна, Саяна, Баирйна,

Зорнк, Байрка, Батоха и т. д.

В местном русском языке советского времени стали употребляться бурятские названия административных единиц: *аймак* в значении «район», *сомон* или *булук* в значении «сельский совет».

В сфере культуры на местном русском языке стали употребительными: а) бурятские названия кинотеатров, коллективов ансамблей песен и танцев: кинотеатр «Эрдэм», ансамбль «Байкал», коллективы самодеятельностей «Наран», «Ургуй»; б) бурятские названия литературно-художественных и телевизионных журналов: «Байкал», «Селенга», «Ая-Ганга», «Цыцык» и некоторые другие.

В области торговли и бытового обслуживания населения а) бурятские названия магазинов, гостиниц и столовых: магазины «Байр», «Туя», «Ангара», гостиница «Одон», рестораны «Байкал», «Селенга», столовая «Саяны»; б) бурятские названия тканей: костюмно-пальтовая ткань «сэсэг», драп мужской «баянгол»; в) бурятские названия блюд и продуктов питания: *бузьбукулер*, *хошхонок*, *хима*, *арбин*, *тарак* и другие. Причем в этой части под воздействием бурятского способа приготовления блюд в местном русском языке появились такие названия, как «печенка в рубашке» (по-бурятски *хугабша*), «кровяная колбаса с жиром» (*эреэлжэ*).

Приведенные факты, несомненно, говорят о влиянии языка бурят на язык местных русских.

Следовательно, с полным основанием можно говорить об обоюдном языковом влиянии русских и бурят, о том, что у нас складывается своеобразная ситуация, свидетельствующая о тесной спаянности народов Бурятии, о взаимообогащении их культур.

В самом деле разве не знаменательно, что буряты читают на своем языке Пушкина и Горького, Гоголя и Фадеева, Толстого и Шолохова, а русские — Намсараева и Улзытуева, Батожабая и Дамдинова; Линховоин прекрасно поет русскую народную песню «Стенька Разин», а Полозова с незаурядным умением учит русскую молодежь четкому сценическому исполнению бурятского хора.